

ТЕМА БОЛОТА-РОДИНЫ В БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ 1950–1990 ГГ. (И. МЕЛЕЖ, В. КОЗЬКО, А. ФЕДОРЕНКО)

Людмила Анатольевна Капитанова

доктор филологических наук, профессор Псковского государственного университета
(Псков, Россия)

e-mail: kapitanovala24@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9789-1142

Аннотация. В статье обозначены сквозные идеи и образы, объединяющие писателей Беларуси в рефлексии о теме «отчей земли». На материале избранных произведений известных белорусских прозаиков 1950–1990 гг. показана значимость «болотной» темы как непосредственно сопряженной в национальном сознании с кодом генетической памяти и ответами на извечные вопросы: «Кто мы? Откуда? Куда идем?»

Указывается на органическое единство «болотной» темы и темы земледельческого труда, актуализирующего непреложную черту белорусского национального характера – тягу к земле, принятие над собою ее власти. «Полесская хроника» Ивана Мележа, ставшая для белорусского общества национальным эпосом, позволила писателю генерализировать в национальной литературе данную тему и образ «людей болота». В ином, метафизическом, ключе предстает идея болота-родины у Виктора Козько, о чем свидетельствует роман «Колесом дорога» с его образом болота как материнского чрева, вскармливающего своих детей и в положенный срок упокоивающего их в своих недрах. Гуманистическая тональность Мележа и Козько в решении болотной темы сполна разделяется Андреем Федоренко в рассказе «Пеля», отсылающем как к эпическим, так и к метафизическим художественным стратегиям предшественников.

Ключевые слова: болото, болото-родина, метафизика болота, национальный эпос, Беларусь, Иван Мележ, Виктор Козько, Андрей Федоренко

Прежде чем обратиться непосредственно к содержанию статьи, в центре внимания которой тема болота-родины и ее отражение в белорусской литературе 50–90-х гг. XX в., представляется важным отметить следующее обстоятельство. Несмотря на то, что на территории России находится уникальный болотный регион планеты¹, а Беларусь² занимает только пятнадцатое место по общей площади болот, болотная тема не стала сколько-нибудь важной в русской литературе, тогда как в белорусской она приобрела особый смысл. Кроме того, для белорусских писателей «болотная» тема явилась чем-то большим, чем могла быть литературная тема или болотный дискурс с его открытостью «экосистеме», «природным факторам», «региональному ландшафту» и т. д.

Ивану Мележу (1921–1976), навечно сросшемуся с родным Полесьем, болотный край представляется как земля, «дзе нарадзіўся Бог» [«где родился Бог»] [Турбина], превращая болото в центр мироздания. И в таком восприятии автор «Полесской хроники» (1961–1978) был не одинок. Ивану Мележу

вторил Виктор Козько (род. в 1940 г.), когда, опираясь на «существующее мнение о том, что на территории Припятского Полесья много столетий назад находилось большое море, которое называлось Геродотовым» [Юденкова, Ковалёва: 346], писал в романе «Колесом дорога» (1981) о болоте как о «средоточии» – «оси, центре». Под пером белоруса-полешука эта будто абстрактная характеристика опредмечивается: болото мыслится как средоточие жизни в образе материнского чрева, вскармливающего свое дитя.

«Все мы вышли из воды, может, из той самой, которой уже и не хватает сегодня. И сегодня другие уже не выйдут из нее, потому что ее нет. Нету. А полешуки вышли из этого Полесского моря Геродота. В этом море – их жизнь. С ним полешук связан пупом своим. Болото не только трясина ему, а и окружение... середина... средоточие... Средоточие...» [Козько:153].

И, будучи связанными пуповиной с полесским краем, «они (полешуки. – Л. К.) были неотделимы от последней травинки, что рос-

¹ Около 104 млн. гектаров торфяников России расположены в Западной Сибири, что составляет почти половину общей площади торфяных болот России (около трети почвенного углеродного покрова России); до 40% нетронутых болот мира – в Западной Сибири; Васюганские болота – одни из самых больших болот в мире.

² В Беларуси под болотами 2,5 млн. гектаров (вместе с осушенными) – 14,1% площади страны; самое большое белорусское болото – Ельня – находится в Витебской области. Самые древние болота Беларуси – Полесские, их возраст около 11 тысячи лет.

ла на их земле. И их земля была неотделима от них, из нее они рождались и в нее уходили. И после смерти были верны ей» [Козько: 77].

В призме функциональности образа «болото – материнское чрево» явственно проступает символический смысл сцен, в которых люди в годы Великой Отечественной войны укрываются от карателей в болотных топях. Именно такой сценой открывается роман Ивана Мележа «Минское направление» (1952). Но, пожалуй, самая выразительная в этом отношении сцена нарисована в романе Виктора Козько «Колесом дорога», когда защиты у родных болот просят не только люди, но и буслы, или буслики, как ласково называют белорусы аистов – болотную птицу, а следовательно, птицу птиц Беларуси:

«Ворвались в их деревню Князьбор немцы, когда жито уже поспело. На мотоциклах и вынесли из этого жита. Треском моторов, чужими своими голосами подняли в небо буслов. Разгалёкались, свету белого не видно: гуси, гуси, гуси. И давай палить из автоматов, из “шмайсеров” своих по этим гусям. Подстрелили одного, он камнем врезался в дорогу, в пыль, в песок, свистом мертво сложенных крыльев вонзился в людской вздох и крик. А стая, все буслы, как и люди уже потом, когда узнали, что такое война, на болото, к лесу потянули» [Козько: 8].

Болото – «мать» полешуков – предстает единой «матерью» Полесья и, шире, «матерью» болотного мира в целом, каковым из-

древле числят Беларусь («Мы беларусы – людзі балота. Дзеці стаячай вады...» [Леванцович: 250]), и, значит, матерью всей Беларуси, укрывающей от беды все живое.

«Болото» будто несет в себе своеобразный «генетический код» белорусской земли, ее «алфавит», который позволяет «прочитать» полешуков как особое «человеческое сообщество» [Леонтьева, Мокиенко: 19], именуемое «людьми на болоте». «Люди на болоте» отмечены, по мнению писателя Алесьа Кожедуба, доминантной чертой белорусского характера – приверженностью своим корням. «Болото» связывает, как считал И. Мележ, с «далеким прошлым» и устоявшимся веками укладом белорусской вёски (деревни) [Турбина: 4]. В этом отношении видится совсем не случайным, что мележевская «Полесская хроника» была единодушно воспринята как национальный эпос (древний эпос, как известно, жанр, вбирающий и отражающий память народа о себе и своей земле). В «Полесской хронике» Мележ сполна обнаружил присущую ему мощь эпического мышления, сумев «в своих полешуках <...> увидеть и передать нечто общее для всего белорусского народа, его ментальность, его национальный ген» [Там же].

О существе «власти земли» и национального гена белорусов одновременно емко и полно высказался известный белорусский писатель Андрей Федоренко (род. в 1964 г.), приведя дневниковую запись Ивана Меле-

жа, относящуюся к финалу последнего, пятого (ненаписанного) романа «Полесской хроники»: «“Вясна. Зямля. Арэ” (арэ – ‘пашет’; араць – ‘пахать’)». В ней, как на фотопленке, запечатлен «рисунок» судьбы Василия Дятла: «“пройти по мукам” пяти романов и в конце концов получить желаемое – ту самую землю. Но не радость владения ею. Хозяином он так и не становится»¹. Однако само чувство земли остается неизменным. Как неизменна и привязанность героев к своему «наделу», потому что только через любовь и бережное отношение к нему «и можно осознать по-настоящему понятие “родная земля”» [Там же: 5].

Несмотря на неудержимое стремление Ивана Мележа воплотить в романном повествовании «Полесской хроники» энергетику и масштаб, который, говоря словами выдающегося украинского писателя второй половины XX в. Алесь Гончара, «глубоко и по-новому открывает белорусов всем народам мира» (Цит. по: [Там же: 23]), сквозь историю Куреней явственно сквозит «чувство

близости тому уголку планеты, тем лицам, голосам, именам, крышам, плетням, дорогам и стежкам, кустарникам и болотным туманам» [Адамович], с которых, собственно, и начинается малая родина – полесская вёска. И болота, среди которых она затерялась, становятся болотами-родиной, составившими «для целой нации код генетической памяти с ответами на извечные вопросы: Кто мы? Откуда? Куда идем?»

Временем ответов на эти вопросы в рассказе «Пеля» Андрея Федоренко² явилась ночь, проведенная на болоте, которое превратило героя в своего пленника, раздосадованного на ночную болотную стихию, оказавшуюся на поверку крепким стражем. Однако болото-мать словно каким-то неведомым образом «знало», что «гостя» нельзя отпускать, поскольку впереди, в других краях, его ждала беда и вероятная смерть. Как представляется, обе линии – Мележа и Козько – в решении болотной темы развиваются Федоренко, помимо этого органично объединяющего

¹ См. материал, подготовленный Л. Рублевской, «Иван Мележ: Писатель и время». Ресурс доступа: <https://www.sb.by/articles/ivan-melezh-pisatel-i-vremya.html> (дата обращения: 02.05.2025). Пожалуй, самое существенное суждение о сути национального гена белорусов в этой дискуссии принадлежит Татьяне Шамякиной, заведующему кафедрой белорусской литературы и культуры Белорусского государственного университета (г. Минск): «<...> любой белорус несет в себе гены своих предков – ариев, исконных земледельцев». Это обстоятельство помогает понять сквозное присутствие в белорусской культуре апологии земледельческого труда, его поэтизацию, восприятие работы на земле как основания человеческой жизни.

² Андрей Федоренко – один из самых талантливых белорусских прозаиков из пришедших в литературу в конце 70-х – начале 80-х гг.

в «Пеле» эпическую и метафизическую писательские стратегии предшественников.

Отметим, что рассказ «Пе́ля» в 1992 г. был награжден дипломом как лучшее произведение малой прозы (конкурс Международной ассоциации фондов мира¹). Среди рассказов, опубликованных в 2004 г. журналом «Дружба народов», «Пе́ля» вызвал особый интерес критики. Однако широкое признание – во все не магия ворожбы болотца близ родной деревни Андрея Федоренко Березовки (Мозырского района Гомельской области). Писатель мастерски воссоздает зыбкость и ненадежность знакомого с детства мира, метафизический ужас перед «черной холодной прорвой», куда внезапно падает герой: «Дна под ногами не было и в помине. И руками, и спиной, и щеками я ощутил густое липкое месиво <...> Позади булькала, дыша болотным смрадом, растревоженная пеля, меня облепили тина, какие-то корешки, комки грязи, порезанные пальцы сочились кровью» [Федоренко]. Близость хтони (гадюка, пиявки-кровососы) дополняется мороком «игры нервов», состоянием гипноза от «звона» комаров, ощущением помутнения от «густых болотных запахов» и дезориентации: «... туман – густой, белый – властно надвинулся на болото и скрыл от глаз не только опушку леса, но и ближайшие кусты» [Там же]. При

этом герой мысленно нарисовал себе «план западни», в которую угодил; любопытно, что «трясина» огибала озерцо подковой.

Хотя истории ночного болотного морока героя могли бы позавидовать мастера литературы ужаса, и автор «Дикой охоты короля Стаха» Владимир Короткевич, и Стивен Кинг, «Пе́ля» – это не полесский хоррор. Смысл рассказа сфокусирован в пережитом героем времени «замирания жизни», своего рода «часе ученичества», что «в жизни каждой торжественно неотвратим». Герой проживает час «метафизического ученичества», проходя инициацию в столкновении с болотом-стражем, сперва вступая с ним в схватку и посылая угрозы в его адрес. Примечательно, что герой говорит будто «чужим голосом»:

«Ты хочешь, чтоб я тут подох... Как бы не так, я выживу, мне даже смешно!.. <...> у меня пойдет прахом лето – вот и все, чего ты добьешься. Но зато я плюю на тебя, смрадная лужа, гадючий питомник! Мало вас поосушали! У меня еще все впереди, я увижу новые города, новую жизнь – я буду жить, а ты – задыхаться тут в собственном смраде, зарастать, пока не высохнешь к черту!...» [Там же].

Но все это лишь борение тела, его реакция на пережитые страхи, которые отступают, оставив после себя некоторое смущение («как

¹ Рассказ был опубликован на русском языке в переводе автора, Андрея Федоренко.

возле самой своей хаты умудрился заблудиться» [Там же]). Сам же герой – будто на отлете от реального ночного болотного времени и потому внутренне, глубинно, неосознанно пребывающий в своем «часе», открывающем ему некую истину жизни, точку опоры, – придет к пониманию полученного им знания не сразу. Его сутью станет открытие того, что всегда рядом в мыслях, на деле, – и это родина, болотце возле дома, с ее всегдашней любовью и принятием всякого «сына», каким бы он ни был: «Родина моя – деревня, болото... Оказывается, ты любила меня и любишь. Разве не любовь стоит за тем, что ты все чаще и чаще приходишь в мои мысли, воспоминания, сны и, словно оберегая от чего-то, – не отпускаешь?» [Там же].

Как представляется, состояние переживания человеком в какой-либо срок открывшейся ему родины составляет существо болотной темы и ее центрального и сквозного образа болота-родины в белорусской литературе.

Литература

Адамович, А. «Полесская хроника» И. Мележа в контексте времени // Вопросы литературы. 1982. № 1. С. 152–185. [Электронный ресурс]: <https://voplit.ru/article/polesskaya-hronika-i-melezha-v-kontekste-vremeni/> (дата обращения: 04.06.25).

Козько, В.А. Колесом дорога. Роман. М.: Мол. гвардия, 1983.

Леванцович, Л.В. Концепт «Болото»: лингвокультурологическое содержание // Совре-

менные тенденции языкового образования: опыт, проблемы, перспективы: сборник статей участников II Международной научно-практической конференции (23 марта 2020 г.); науч. ред. Л.Н. Набилкина, отв. ред. Д.Л. Морозов; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2020. С. 24 –251.

Леонтьева, Т.В., Мокиенко, В.М. Метафора болота в характеристиках социума // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 13–21.

Турбина, Л. Люди на болоте. Экология как доминанта белорусской литературы второй половины XX века. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018.

Федоренко, А. Пеля. [Электронный ресурс]: URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2004/7/pelya.html> (дата обращения: 04.06.25).

Юденкова, А.В., Ковалёва, Е.В. Репрезентация концепта «болото» в белорусском художественном дискурсе // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 18–21 мая 2021 г.) / Ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтов, С.М. Пронченко. – Брянск: РИСО «БГУ», 2021. С. 345–346.

References

Adamovich, A. (1982). "Polesskaya khronika" I. Melezha v kontekste vremeni [The Polesskaya

Chronicle by I. Melezh in the context of time]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 1, 152–185. Retrieved from: <https://voplit.ru/article/polesskaya-hronika-i-melezha-v-kontekste-vremeni/> (date of access: 04.06.25).

Fedorenko, A. (1993). Pelya [Pelya]. Retrieved from: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2004/7/pelya.html> (date of access: 04.06.25).

Kozko, V.A. (1983). Kolesom doroga. Roman [The Wheel of the Road. Novel]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Leonteva, T.V., Mokienko, V.M. (2021). Metafora bolota v karakteristikax sociuma [The metaphor of the swamp in the characteristics of society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Tomsk State University], 465, 13–21.

Turbina, L. (2018). Lyudi na bolote. Ekologiya kak dominanta belorusskoj literatury vtoroj poloviny XX veka. [People in the swamp. Ecology as the dominant of the Belarusian literature of the second half of the twentieth century]. Moscow: IPO ‘U Nikitskix vorot’.

Levanczovich, L.V. (2020). Koncept “Boloto”: lingvokulturologicheskoe sodержanie [The concept of ‘Swamp’: linguistic and cultural content]. *Sovremennye tendencii yazykovogo obrazovaniya: opyt, problemy, perspektivy* [Current trends in language education: experience, problems, prospects]: sbornik statej uchastnikov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Eds. L.N. Nabilkina, D.L. Morozov); Arzamasskij filial NNGU. Arzamas: Arzamasskij filial NNGU, 246–251.

Yudenkova, A.V., Kovalyova, E.V. (2021). Reprezentaciya koncepta “boloto” v belorusskom xudozhestvennom diskurse [Representation of the concept of ‘swamp’ in the Belarusian artistic discourse]. *Russkoe slovo kak fenomen duxovnosti v slavyanskoj lingvokulture pograničiya* [The Russian word as a phenomenon of spirituality in the Slavic linguoculture of the borderlands]: Nauchnye doklady uchastnikov Mezhdunarodnogo nauchno-prosvetitelskogo foruma (Eds. S.N. Starodubecz, V.N. Pustovojtov, S.M. Pronchenko). Bryansk: RISO ‘BGU’, 345–346.

Для цитирования: Капитанова, Л.А. Тема болота-родины в белорусской прозе 1950–1990 гг. (И. Мележ, В. Козько, А. Федоренко) // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10. № 4. С. 145–152. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-4-145-152

For citation: Kapitanova, L.A. (2025). The theme of the swamp-homeland in Belarusian prose of 1950–1990 (I. Melezh, V. Kozko, A. Fedorenko). *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 10 (4), 145–152. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-4-145-152

**THE THEME OF THE SWAMP-HOMELAND IN BELARUSIAN PROSE
OF 1950–1990 (I. MELEZH, V. KOZKO, A. FEDORENKO)**

Lyudmila A. Kapitanova, Full Professor (Philology), Associate Professor at Pskov State University (Pskov, Russia); e-mail: kapitanovala24@gmail.com

Abstract. The article outlines the cross-cutting ideas and images that unite the writers of Belarus in their reflection on the theme of homeland. Based on selected works by famous Belarusian prose writers from 1950–1990, the importance of the “swamp” theme is shown as directly related in the national consciousness to the “code of genetic memory” and answers to the age-old questions: “Who are we? From where? Where are we going?”

The author points out the organic unity of the “swamp” theme and the theme of agricultural labor, actualizing an immutable feature of the Belarusian national character – a craving for the land, acceptance of its power over oneself. “The Polesskaya Chronicle” by Ivan Melezh, which became a national epic for the Belarusian society, allowed the writer to generalize this theme and the image of the “people of the swamp” in the national literature. Viktor Kozko’s idea of a swamp-homeland appears in a different, metaphysical way, as evidenced by the novel “The Wheel of the Road” with the image of the swamp as mother’s womb, nursing children and in due course laying them to rest. The humanistic tone of Melezh and Kozko in solving the swamp theme is fully shared by Andrei Fedorenko in the story “Pelya”, referring to both the epic and metaphysical artistic strategies of his predecessors.

Key words: swamp, swamp-homeland, metaphysics of the swamp, national epic, Belarus, Ivan Melezh, Viktor Kozko, Andrey Fedorenko

